

ЗЕМНАЯ ТЯГА

В краю,
с которым был на «ты»,
урывками свиданий
я рвал сезонные цветы,
не помня их названий.
Однажды,
выйдя из села,
я шел неспешным шагом,
пока тропа не привела
к заречному оврагу.
Спустился осыпью на дно,
в песке воронки вырыв.
Там было пусто и темно,
и холодно, и сыро.
И настороженная тишь —
как пустота колодца:
откинешь галечный голыш, —
с причмоком отзовется.
Я сел на древнем валуне,
несмело оглянулся
и вдруг услышал в глубине
толчки земного пульса.
И, леденеть душе веля,
поставив дыбом волос,
на тихий оклик:
— Ты, земля?..
— Земля, —
ответил голос. —
Тебе на пользу мой упрек,
останься без опаски,
я так соскучилась, сынок,
не видя прежней ласки.

Ведь это ты,
набухшей
мне,
в сырых отвалах дерна
давал работу по весне,—
растить литые зерна.
В жару
на осыпи гряды
пласты во мне раздвинув,
ты открывал струей воды
рождающие глубины.
Теперь я сохну,—
знаешь сам,—
ведь я тебя растила
и в город к лучшим мудрецам
учиться отпустила.
Ты шел по улице прямой
среди гудков и гвалта,
а я следила за тобой
в расселинах асфальта.
Я любовалась:
возмужал,—
и все ждала в надежде.
А ты, когда и наезжал,
не так был рад,
как прежде.
Ты первым делом шел на луг,
забыв проведать поле,
и равнодушно трогал плуг
руками без мозолей.
Сынок, я жду.
Я не сержусь,
что ты иным заполнен,
но я вовек не откажусь
от прав моих,
запомни...

Росинки светятся в тиши,
ногой тропы касаюсь.
Кого я слышал?
Ни души.
Похоже, показалось.
Но с той поры,
за что бы я
ни взялся,
где б я ни был,
меня зовет земля моя,
суглинистые глыбы.
То в ночь бессонную войдет,
отвалами чернеет,
то в книге сказок оживет,
дыханьем трав повеет.
Как будто в ветхие листы
вложили новый вкладыш:
цветок куриной слепоты
и заповедный ландыш.
Я знал и помнил до сих пор,
что некогда,
отважась,
пытался старый Святогор
поднять земную тяжесть.
Но никогда не думал я,
что мне
в отлучке где-то
работа прежняя моя
напомнит тягу эту.